

В заключение этого маленького рассказа скажу, что собрание сочинений Понсон дю Террайля, которые я помог ему собрать, уже в переплетённом виде с соответствующими инициалами, хранится у меня, как память об этом приключении. Если же читателю встретится в букинистической продаже томик с инициалами на нижней части корешка переплёта «И. А. П.», пусть вспомнит этот рассказ.

Некоторые раздумья автора

Теперь, на склоне лет, пишущий эти строки хочет ещё раз переосмыслить всё со мной случившееся. Как так получилось, что, родившись в доме, в котором вообще не было собственных книг, я имею возможность делиться своим опытом и полученными знаниями, обладая библиотекой или коллекцией, называйте, как хотите, числом около двух тысяч книг, в том числе около половины антикварных? Однозначного ответа я не имею. Но попытаться это сделать попробую. Прежде всего, небольшая цитата из книги Леонида Борисова, известного ленинградского писателя и книголюбца. Он ссылается на мнение Р. Е. Кугеля, бывшего директора императорских театров, крупного деятеля русской культуры. Вот слова Р. Е. Кугеля:

«А что касается библиофильства, то не забывайте, что любителями книг делаются, но собирателем надо родиться, соответственно воспитаться, принюхаться к определённой атмосфере.

Полюбить книгу — ничто, подумаешь! Книга — драгоценность, её только клинический идиот оттолкнёт, но вот собирать книгу... для этого требуется ещё и талант! Вкус! Собирая, знать, что берёшь, что отвергаешь, почему в первом случае и, в особенности, во втором. Думаете, тут опыт? Не только опыт, но и природное влечение. Да-с!

Одного опыта в любом деле недостаточно, везде и всюду требуется талант! Разве мы не видим опытных дураков? Да на каждом шагу! И порой мне кажется, что количественно они не уменьшаются... Дай Бог, чтобы я ошибся». Эти слова были произнесены в 1922 году.

Вряд ли что-либо может ограничить страсть библиофила, его желание безграничного собирания книг ради простого ими любования, ради сознания, что та или иная книга находится в его обладании. Не только чтение, а непосредственное общение с книгами, знакомство с их внешним видом, рытьё в них доставляют библиофилу наслаждение, просвещая его ум и сердце. Последние слова мы взяли у Державина:

«В книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю».

Библиофилу важно не только содержание книги, а не менее, а иногда и более важна её форма, но не только содержание и форма книги ценны в представлении библиофила. Для него, столь ревниво к книге относящегося, быть может, главным образом, важно сознание, что его книга исключительная, ни у кого другого не имеющаяся. Такая книга особенно дорога библиофилу, её он только и может считать своим

другом, ибо, в таком случае ему не приходится делить любовь к ней с кем-то другим или, ещё хуже, с другими, также такую же книгу имеющими.

Таким образом, возникает третий, и наиболее важный для библиофильства элемент — редкость книги. Содержание, форма и редкость книги — три элемента библиофильства. В книге библиофил, сплошь и рядом не интересуясь её содержанием, ищет и находит исторические, художественные, культурные ценности, каковые неминуемо запечатлеваются она, являясь отражением творчества духа, эпохи и места. Все эти положения в большей мере относятся к старинным антикварным книгам, ведь чем дольше живет книга, чем больше на ней следов эпох, особенностей исторической и материальной индивидуальности.

Ведь недаром же некрасовский букинист, знающий, что отразившаяся на внешности книги прошлая жизнь её увеличивает её ценность и правильно учитывающий с этой точки зрения библиофильский спрос, говорит:

«Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге».

Видимо, все приведённые соображения учёных, стоявших у истоков изучения явления библиофильства, отразились на моей собирательской судьбе. От чтения, т. е. интереса к содержанию книги, к интересу к книге, как предмету материальной культуры и, наконец, до интереса обладания редкими книгами.

При этом интерес к редкой книге я понимаю, что в ней обязательно должно присутствовать интересное содержание, либо форма. Редкие книги без содержания (под этим словом подразумевается не только интересное чтение, но и исторические моменты её издания, судьба автора и т. п.) или без каких-либо отличительных свойств, характерных для этой книги, меня, как собирателя, не интересовали.

Мне представляется (не претендую на однозначность этого рассуждения), что главный интерес в собирании коллекции редких книг заключается в том, что редкость книги по содержанию и по форме определяется при её приобретении. Что я хочу сказать? Покупая ту или иную книгу, доселе тебе неизвестную, ты полагаешься на общие познания, интуицию и вкус. Ведь, если бы существовал опубликованный общепринятый список редких книг, то любой книголюб (в данном случае, слово «книголюб» можно взять в кавычки) мог по нему заказывать и покупать эти книги в букинистических магазинах, и такое собирание превратилось бы в соревнование финансовых возможностей покупателей, отсутствию романтики в поисках таких книг и не способствовало расширению кругозора покупателей книг.

Иное дело, когда ты видишь антикварную книжку, ты не знаком с фамилией автора или её нет на титульном листе, год издания ты сразу же ассоциируешь с эпохой в той мере, как ты её знаешь; рассматриваешь бумагу, переплёт, материал, из которого он сделан, сохранность тиснения на переплёте (если оно есть), какие-либо владельческие пометы, экслибри-

сы, возможные замечания на страницах и т. д. Все эти мысли, промелькнув у тебя в голове, сопоставляются с обозначенной на книге ценой, и ты принимаешь решение о покупке.

Приходишь домой и начинаешь изучать покупку. Вот этот процесс, продолжающийся, возможно, довольно долго, с привлечением библиографической, исторической или другой специальной литературы, общением с коллегами по собирательству и составляет суть поисковой романтики и самообразования. Изучив все источники, ты определяешь степень редкости находки и принимаешь решение о дальнейшей судьбе книги.

Если ты приходишь к мысли, что эта книга не для твоего собрания, ты с ней расстаёшься. Но теперь ты знаешь о книге многое и можешь сделать это квалифицировано. Или ты ставишь её на свою полку после ухода за ней, удалению пыли, грязи на переплёте и т. п., и она становится частью твоей коллекции с определённой тобой степенью редкости.

Эти мои рассуждения относятся к книгам, которые ты купил. А от скольких покупок по той или иной причине ты отказался, но, записав их выходные данные, придя домой, ты также начинаешь их изучение: правильно ли ты сделал, что отказался от покупки, не следует ли вернуться немедленно в магазин и купить их!

Теперь давайте представим, о судьбе скольких книг и их авторов ты мог узнать. Если предположить, что, систематически посещая букинистические магазины, можно купить (так было во время моего собирательс-

тва) 3 книги в месяц и от 6 покупок в результате возникших сомнений ты отказался, но книгами заинтересовался, то это означает, что за месяц в центре твоего внимания и изучения было 9 книг, а за год — 108.

Собирая антикварные книги хотя бы в течение 25 лет, ты прошёл курс по истории, культуре, книгоиздательскому делу, графике и т. д., в той мере изложенный в более чем 2,5 тысячах книгах. Вот это и есть самообразование в результате библиофильства. Представляется, что за 40 лет моего собирательского стажа антикварных (да и просто старых книг) мне удалось познакомиться с большим количеством книг, чем я насчитал в гипотетическом примере.

Здесь, мне кажется, и находится ответ на вопрос: «Почему я имею возможность делиться своим опытом и полученными знаниями»? Но хочется, чтобы опыт, приобретённый многолетними трудами, ещё кому-нибудь пригодился.

О книге, как одном из наиболее великом достижении человеческой цивилизации, написано и сказано очень много. Но сказать, что достаточно, наверное, не сумеет никто. Теперь, когда автор, пишущий эту книгу воспоминаний, вновь переживает волнующие минуты книжных находок, их изучения, приобретения новых знаний, я неожиданно почувствовал ещё одно, может быть, мною не прочитанное или ещё не опубликованное высокое предназначение книгособирательства.

Мне пришла в голову известная, скорее в обывательской среде, надпись на подаренной своей фотографии: «Лучше вспомни и посмотри, чем посмотри

и вспомни!» Возможно, для одного или нескольких экземпляров подаренных фотографий такая надпись может означать определённый смысл. В собирании книг, когда количество воспоминаний может быть равно числу собранных книг, по моему мнению, больше подходит другой призыв: «Посмотри и вспомни». Если же тебе представляется возможность вспомнить, таким образом, свою жизнь, при наличии в твоей библиотеке, например, одной тысячи книг, то это означает, что из тысячи часов, минут или других промежутков времени, которые ты бы мог не помнить, а, значит, «вычеркнуть» из жизни, ты теперь это всё вспомнишь, и, более того, по-новому переживаешь. Мне представляется, что таким образом, конечно, с помощью теории относительности ты удлиняешь свою жизнь и расширяешь своё видение прожитого.

«Мой первый друг, мой друг бесценный»

Счастливая и полноценная жизнь каждого человека может состояться лишь при условии удачного выбора жены (мужа), друзей и профессии. Причём каждый может для себя определить значимость этих факторов в своей жизни и, соответственно, перечислять их в иной последовательности. Но то, что соблюдение всех трёх условий необходимо любому человеку — истина в последней инстанции. Раздумывая на эту тему дальше, можно отметить одну особенность каждого из них — выбор жены (мужа) и

профессии (специальности) обычно оформляется документально для признания их в обществе, и только выбор друзей не требует общественного признания и потому становится интимным делом двух человек. Для дружбы никаких документов не требуется. Поэтому, если жену или мужа, специальность и профессию в течение жизни можно заменить, получив соответствующие бумаги, то друзей заменить одного на другого невозможно, можно лишь пытаться увеличивать их число и стараться их не терять. Как в известном стихотворении Расула Гамзатова: «... опасайтесь потерять друзей». Именно с друзьями ты общаешься в жизни, ни по долгу, ни по обязанностям, а исключительно по обоюдному желанию. Это обстоятельство позволяет причислить время, проведённое в общении с близкими друзьями, к лучшим часам в твоей жизни! А иногда, может быть, к ним можно и добавить минуты, когда ты просто про себя вспоминаешь, что у тебя есть такой близкий друг.

В моей жизни стопроцентной удачей можно считать дружбу с Орестом Касимовым. Судьба мне его послала в 1952 году, и с тех пор более 50 лет он оставался моим первым другом. Надеюсь, если бы он писал подобные заметки, то он использовал такие же слова. А, может быть, и выразился лучше не потому, что его дружеские чувства были бы горячее, а потому, что он сумел бы их лучше выразить. Глубоко интеллигентный, неизменно доброжелательный, широко образованный, его любили все, кто с ним сталкивался хотя бы один раз (и мужчины, и женщины). Мы, работая в совершенно различных отраслях, были до-